

Время — весна

Арманд проснулся за секунду до того, как стражник спустился в подземелье. Сапоги чеканили тяжёлый шаг по мощёному полу коридора.

За долгие месяцы, проведённые в заточении, у мальчика появилось чутьё на скорую смерть одного из заключённых. Иногда он мог угадать смертника и даже час казни. Сегодня очередь старика, который, говаривали, учил грамоте и счёту купеческих детей, а заодно доносил врагу, сколько де кораблей в английском флоте, сколько голов лошадей, сколько лучников.

Стражник выволок старика из соседней камеры и зычно крикнул: «Поглядите на смертника! Наточен топор! Страсть как остёр! Глядите, глядите на смертника!»

Арманд тусклым взглядом проводил соседа и плотнее укутался в отсыревшее одеяло: осень здесь совсем не такая, как на родине. Холодная и мерзкая, влажная, будто посреди болота стоит этот проклятый город, эта чёртова тюрьма.

Соседняя камера недолго пустовала: под вечер по коридору прошла самая что ни на есть процессия. Во главе — кузнец, сразу за ним — несколько стражей, окруживших пленника. Арманд, как ни старался, не мог разглядеть, кого же они ведут, только краем глаза уловил мелькнувшее пятно простецкой белой ткани. Замыкал шествие какой-то пожилой мужчина благородных кровей в плаще из тонкого синего сукна, подбитого куньим мехом. Лязгнул замок камеры, послышался звук кузнечного молота.

— Посмотрим, принесёшь ли ты победу нашей славной Англии, — надменно бросил старый дворянин.

Неужто ещё кого выкрали из семьи нормандской аристократии? Арманд оживился, почуяв в соседе родственную душу.

— Эй, новоприбывший, — тихо шепнул он через щель в стене. — Как тебя зовут?

— Так ли уж важно? — слышался девичий голос, исполненный необъятной тоской. — А ты откуда? Мне чудится нездешний говор.

Говорила девушка как урождённая англичанка.

— Из Нормандии, — Арманд тихо вздохнул; земляка он не обрёл, а от родины осталось только слово. — Я уже и забыть забыл, какая она. Хотелось бы хоть глазком взглянуть. А ты отку...

— Твоё время — осень, — голос её зашелестел подобно листьям на ветру, и Арманд не осмелился её прерывать. — Слышишь — яблоки падают? Необъятные корзины полнятся налитыми кислым соком плодами. Бочонки стынут в погребах, храня свежесть золотисто-янтарного напитка. И пьют, пьют его повсюду: и стар, и млад, и парень, и девица! Горячим, холодным, кислым, сладким, с мёдом и без, с лавандой и шалфеем, с тимьяном и розмарином!

Он слушал, затаив дыхание, вдыхая запахи родины, купаясь в тёплых лучах её солнца, слизывал с губ резкий, кислый вкус сидра. Улыбка, давно покинувшая лицо мальчика, вернулась. Из другой камеры хриплый мужской голос попросил её рассказать ещё что-нибудь, и девичий голос зазвучал снова, о совсем другой стране, превращая стены темницы в высокие горы с заснеженными шапками, по которым бродят олени, и крепкие парни с девушками, укутанные в шерстяные яркие одежды, танцуют вприпрыжку и прикрикивают в такт музыке «Хэй!».

Когда скудный свет луны пробился сквозь вечные сырые тучи, девушка запела нежную песню без слов, и Арманд, которого всё чаще мучила бессонница, почти мгновенно уснул.

Утром в камере будто бы стало не так сыро и темно, а уж когда из-за стены донёлся рассказ девушки о свежести весеннего леса, особой природной магии, овевающей лес в первое майское утро, Арманд словно на несколько минут перенёсся в своё детство.

Вот нянюшка будит его и двух его старших братьев ни свет, ни заря и велит одеваться. Из соседней комнаты выходит сонная сестра в

сопровождении другой нянюшки, и все гурьбой бегут вниз по ступеням, нагоняя матушку, которая уже ждёт их во дворе, с огромными ивовыми корзинами — хватит на всех! Вот они идут в лес за майскими травами. Особой удачей было найти ландыши, потому что, говаривала матушка, именно ландыши в этот день возвращают молодость, даруют чистоту помыслов и добрую судьбу...

Девушка смолкла и волшебство пропало. Пропало время, проведённое на родине. Арманд не видел леса, не слышал звонкого смеха сестры или предупреждающих криков нянюшек. Ряды сосен сменились сырой, поросшей мхом каменной кладкой, яркие лучи майского солнца — скудным серым светом, просачивающимся сквозь вечную завесу облаков.

Мальчик тяжело выдохнул, но обнаружил, что отчаяние — вечный спутник заключённого — отступило. Несколько робких шажков назад, но как же легко на душе!

Арманд с молчаливой благодарностью глянул на стену, разделявшую их камеры, и вслушался в новый рассказ — про бескрайние зелёные луга, мирно пасущихся кучерявых овец, про вихрастого пастушка, играющего незамысловатую мелодию на парной флейте...

Кто же она? В темницу свозят или врагов, или предателей. Чем же могла провиниться девушка?

Тюремщик никогда не приносил ей еду. Арманд несколько раз просил отдать ей хоть половину похлёбки или хлеба, но стражники лишь смеялись в ответ. Она не слабела от голода и раз за разом рассказывала свои истории — истории для каждого из заключённых. Про места, где цветут сады, про леса, в которых тёрн хранит в тёмных острых иглах сочные сизые ягоды, про вино — терпкое и кислое, про хрустящую корочку пирогов с зайчатиной, про пышные плюшки, политые молочно-белым липовым мёдом, про дымящийся настой из иван-чая с тысячелистником и лепестками василька.

Набравшись храбрости, Арманд обратился к девушке через стену:

— Ты ведь волшебница?

— Можно и так сказать, — она не стала вдаваться в подробности.

— Тогда беги отсюда.

— Если бы я могла...

Мальчик спросил, что же ей мешает, но она не ответила и завела очередной рассказ.

Однажды стражник спустился в темницу в неурочный час. Странно, ведь Арманд не чувствовал приближение чьей-то смерти. Может ли быть так, что это за ним идёт Смерть, а он не понял? От пяток до макушки взметнулась холодная волна страха, сердце забилося, а в голове стучала единственная мысль, словно заговор-оберег: «только-не-меня-только-не-меня». Когда стражник показался напротив его каморки, мальчик даже отпрыгнул, а высокий мужчина лишь презрительно хмыкнул и прошёл дальше.

Спустя какое-то время он вывел из соседней клетки девушку, красивее которой Арманд отродясь не видел. Не волшебница — фея, догадался мальчик. Красота её была неземная — тонкая, как ивовый прутик, с молочно-белой кожей, золотистыми волосами и небесно-голубыми глазами, губы — нежные лепестки.

— Неужто война окончена и твой господин соизволил меня освободить? — без всякого страха обратилась она к тюремщику.

— Помалкивай и иди вперёд, — стражник потянул её за цепь и увлёк по коридору.

Арманд прильнул к решёткам, провожая её тревожным взглядом. Его внутренний заговор изменился на «только-не-её-только-не-её».

Сколько прошло времени, мальчик не знал, но не отходил ни на шаг, ожидая её возвращения. Тяжёлый шаг тюремщика обрадовал, как никогда. Сердце словно разрывали на части — мало ли, вдруг стражник вернётся один? Вдруг прекрасная фея мертва? Нет, вот лёгкое колыхание её простого белого платья... Она шла с опущенной головой, золотистые волосы скрывали лицо, но мальчик разглядел тёмную запёкшуюся кровь на нежных устах.

— Фея, о милая добрая фея, прошу, скажи хоть что-нибудь, — дрожащими губами прошептал Арманд ей вслед.

Она не ответила, лишь издевательски усмехнулся конвоир.

Там и тут слышались испуганные вскрики, горькие вздохи сожаления и яростные проклятия. Арманд не мог сдержать слёз весь вечер и заснул тревожным сном лишь потому, что слишком устал плакать. Казалось, всё подземелье переполнилось духом обречённости и тоски.

Утром, едва открыв глаза, Арманд понял: сегодня его черёд. Но сегодня уже не страшно, только стыдно перед феей. Она была так добра к нему, ко всем заключённым, а чем они могут отплатить за её помощь, за её жертву?

Послышался чеканный шаг. Арманд прислонился щекой к холодной стене.

— Как бы я хотел тебе помочь, милая фея.

Поздно, слишком поздно, он не сможет ничем помочь.

Стражник отсоединил цепь от кольца в стене и потянул мальчика наружу.

— Теперь, когда фея будет исполнять лишь желания короля, ты только обуза. Ни один жалкий нормандский выскочка нам больше не помеха!

Почему же она не сбежит? Не может? Нужно что-то для неё сделать, ведь она вернула ему надежду, воспоминания о родной земле, будущее. Пусть и на столь короткий срок. Она исполнила желание Арманда, и он смог увидеть родину. Желание... Она может исполнять лишь чьи-то желания, но не свои?!

Надеясь, что догадка верна, Арманд рванулся от конвоира к её клетке и ударился грудью о решётку.

— Твоё время — весна! — сквозь подступившие слёзы, выкрикнул Арманд. — Где-то там, под холмом, на берегах бескрайнего моря, твоя родина, напитанная солнечным светом, укрытая снегами и коврами из вереска. Круглый год там пахнет солёным морским ветром и влажной

землѣй. Чуешь горький сок трав на губах? Смейся же легко и беззаботно, моя прекрасная фея! Кружи свой танец, обращая часы в дни, дни в недели, недели в месяцы! Расправь крылья и лети! Ты свободна!

Стражник натянул цепь и нестерпимо громко заорал над самым ухом мальчика: «Поглядите на смертника!», да так и замолк, уставившись сквозь прутья соседней камеры. Кожа девушки из молочно-белой стала почти прозрачной и словно светилась изнутри, оковы соскользнули с тонких рук, из-за спины вынырнули два тончайших изумрудных крыла. Взмах — и фея исчезла.

В боку резко кольнуло, алый туман на мгновение затянул взор, а потом слабость и боль густой смолой потекли по телу.

— Щенок! И ты, и все грязные нормандцы заплатят за это! Вам не видать победы!

Всё это не важно, думал Арманд, падая и цепляясь последним взглядом за пустую клетку. Ему было всё равно, кто выиграет в войне. Главное — она свободна, её мечта исполнилась.

Королева фей возникла прямо из воздуха: луч света, задорно танцующий в молодой листве деревьев. Тёплая и румяная, с тонкими лепестками губ, покрытыми грубым багрянцем, она заботливо пригладила его волосы и улыбнулась.

Идём со мной, мальчик, — шепнули её немые уста.

Собрав последние силы, Арманд кивнул, и тогда королева подарила ему поцелуй, лёгкий, как солнечный зайчик. Боль исчезла, взгляд стал как никогда ясным, и тогда он увидел дорогу из золотистых пылинок, уходящую под щербатый каменный пол. Фея поманила его за собой и скользнула вниз. И мальчик ступил следом за ней в край вечной весны, что спрятан под зелёным холмом, и там чужаку были рады так же, как и возвращению королевы.

Время от времени Арманд покидал холм, прикидываясь то рыжим лисом, то тучным облаком. Он наблюдал за победами и поражениями, становился свидетелем заключения союзов и предательств.

В конце концов, только люди делят между собой небо, землю и воздух. Дети рек и гор, дети озёр и лесов всегда знали: без толку рубить правую руку, чтобы пришить её к левой. Вот бы кто попросил у королевы фей передать эту мудрость людям.